

Котунова О.В. Моральная риторика «культуры отмены»: парадоксы концепта исторической ответственности // Антиномии. 2024. Т. 24, вып. 3. С. 23-37. https://doi.org/10.17506/26867206_2024_24_3_23

УДК 172.4

DOI 10.17506/26867206_2024_24_3_23

Моральная риторика «культуры отмены»: парадоксы концепта исторической ответственности

Ольга Владимировна Котунова

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова

г. Москва, Россия

Томский государственный университет

г. Томск, Россия

E-mail: kotunovaov@gmail.com

Поступила в редакцию 11.06.2024, поступила после рецензирования 15.08.2024, принята к публикации 10.09.2024

В статье анализируются проблемы структурной организации «культуры отмены», а также формальные и содержательные следствия этих проблем. Объектом исследования выступает «культура отмены» как один из дискурсов, реализующих определенную функцию в дискурсивных пространствах исторической памяти и символической политики. Основным инструментом реализации дискурса «культуры отмены» является моральная риторика, а важнейшей риторической фигурой – апелляция к ответственности. «Культура отмены» признается дискурсом конфликта, имеющим целью восстановление справедливости, и анализируется в компаративистской связке с дискурсом суда. Показывается, что моральная риторика обеспечивает дискурсу «культуры отмены» инструментальную поддержку, служит обоснованию выдвигаемых притязаний и выполняет функцию идеализации этоса заинтересованной в этом группы людей (в то время как ее главной функцией должно быть обоснование причастности этоса к моральному идеалу). Историческая ответственность рассматривается как одно из важнейших понятий в моральном словаре «культуры отмены» в тех случаях, когда практики канселлинга обращены к прошлому. В рамках такого подхода она оказывается сложным многослойным концептом – конструкцией, в которой декларируемые цели отличаются от реализуемых. Утверждается, что требование реализации исторической ответственности в дискурсе «культуры отмены» может быть либо дискурсивной ошибкой, либо манипулятивной уловкой. Анализ дискурса «культуры отмены» осуществляется посредством обращения к этике дискурса П. Рикера, К.-О. Апеля и Ю. Хабермаса. Трудности и парадоксы реализации требования исторической ответственности в рамках дискурса «культуры отмены»

© Котунова О.В., 2024

раскрываются на примере кампании против мемориального наследия С. Родса. Делается вывод о том, что «культура отмены» как дискурс конфликта, направленный на восстановление справедливости, не может достичь заявленной цели. Это означает, что современное общество нуждается в альтернативных дискурсивных моделях.

Ключевые слова: «культура отмены», ответственность, историческая ответственность, дискурс, этика дискурса, исследования памяти, историческая память

Благодарности: Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-18-00465, <https://rscf.ru/project/23-18-00465/>

Moral Rhetoric of Cancel Culture: Paradoxes in the Concept of Historical Responsibility

Olga V. Kotunova

Lomonosov Moscow State University

Moscow, Russia

Tomsk State University

Tomsk, Russia

E-mail: kotunovaov@gmail.com

Received 11.06.2024, revised 15.08.2024, accepted 10.09.2024

Abstract. The article examines the problems of structural organization of cancel culture, the formal and substantive implications of these issues. The object of the study is cancel culture as a discourse that performs a specific function within the discursive spaces of historical memory and symbolic politics. The primary tool of cancel culture discourse is moral rhetoric, with the central rhetorical figure being the appeal to responsibility. Cancel culture is recognized as a discourse of conflict aimed at restoring justice and is analyzed in a comparative framework alongside the discourse of judgment. It is shown that moral rhetoric provides instrumental support to cancel culture discourse, justifying the claims it raises and functioning to idealize the ethos of the group involved (whereas its main function should be to justify the connection between the ethos and a moral ideal). Historical responsibility is viewed as one of key concepts in the moral vocabulary of cancel culture, especially when cancellation practices address the past. Under this approach, historical responsibility turns out to be a complex multi-layered concept – a construct in which the declared goals differ from the outcomes realized. It is argued that the demand for historical responsibility as part of the cancel culture discourse can either be a discourse error or a manipulative tactic. The structure of the cancel culture discourse is analyzed by reference to the discourse ethics of Paul Ricoeur, Karl-Otto Apel and Jürgen Habermas. The challenges and paradoxes of implementing historical responsibility within the framework of the cancel culture discourse are revealed through the example of the campaign against the commemorative legacy of Cecil Rhodes. It is concluded that cancel culture, as a conflict-driven discourse aimed at restoring justice, is unable to achieve its stated goal. This suggests that modern society needs alternative discursive models.

Keywords: cancel culture, responsibility, historical responsibility, discourse, discourse ethics, memory studies, historical memory

Acknowledgments: The research was carried out with the support of the Russian Science Foundation grant No. 23-18-00465, <https://rscf.ru/en/project/23-18-00465/>

For citation: Kotunova O.V. Moral Rhetoric of Cancel Culture: Paradoxes in the Concept of Historical Responsibility, *Antinomies*, 2024, vol. 24, iss. 3, pp. 23-37. (In Russ.). https://doi.org/10.17506/26867206_2024_24_3_23

Введение

«Культура отмены» – социокультурный феномен последнего времени, оценки и мнения относительно которого разнятся, доходя до полярных. С одной стороны, «культуру отмены» считают современной формой ostracism, сближают с понятием цензуры и видят в ней инструмент диктатуры меньшинства. С другой стороны, рассматривают как проявление рефлексивного отношения к окружающей действительности, мирную форму гражданского протеста и эффективный внеинституциональный регулятор общественных отношений (Bouvier, Machín 2021; Phelan 2023). Подобная разница в трактовках неудивительна. «Культура отмены» с формальной точки зрения, во-первых, способна успешно встраиваться в различные дискурсивные пространства; во-вторых, нетребовательна к содержанию, что делает ее простым и удобным инструментом декларации и обоснования любых притязаний.

Историко-философским контекстом настоящей статьи служит философия лингвистического поворота, которая позволяет изучать язык как онтологическую категорию. В соответствии с этим «культура отмены» будет рассмотрена как языковой феномен: дискурс определенного типа – коммуникативная модель со стабильной структурой, реализующаяся посредством моральной риторики. Теоретическая часть исследования посвящена проблемам структурной организации и моральной риторики, уточненным посредством компаративистики и дискурс-анализа. В практической части следствия этих проблем будут раскрыты на примере требования исторической ответственности в рамках кампании *Rhodes Must Fall*.

Проблемы моральной риторики в дискурсе «культуры отмены»

В современных исследованиях существует несколько подходов к интерпретации дискурса, однако расхождения вызваны в основном контекстуальной спецификой трактовки (Русакова 2007: 5-6). Если отвлечься от значимых различий, то можно выделить принципы, релевантные для всех подходов. Так, дискурс в узком смысле – это коммуникативная модель, которая устанавливает новые или трансформирует уже имеющиеся отношения между участниками коммуникации, сводя ее к повторяемой схеме со стабильными элементами. Из-за этого оказываются возможны формально воспроизводимые социальные практики, например, канселлинг.

Диспозиция элементов модели «культуры отмены» выглядит так: есть проблемная ситуация, вокруг которой разворачивается конфликт,

и несколько сторон, одна из которых является активной и маркирует проблемную ситуацию как неприемлемую. Активная сторона призывает всех участников дискурса к ответственному поведению под угрозой исключения из дискурсивного пространства, вплоть до стирания любых следов их пребывания в нем. При этом канселлингу подвергаются не только непосредственные виновники, но и те, кто, по мнению обвинителей, безответственно использует свой социальный капитал, отказываясь от попыток решения проблемы или проблематизации как таковой. Представленная коммуникативная модель позволяет отнести «культуру отмены» к дискурсу конфликта, имеющему своей целью восстановление справедливости, то есть к дискурсу, служащему для обоснования притязаний с последующим распределением между сторонами конфликта материальных и/или нематериальных благ.

Дискурсы конфликта разнообразны, среди них можно выделить исторические (например, кровная месть) или современные (в частности, журналистское расследование) коммуникативные модели. Однако наиболее известным и распространенным дискурсом конфликта является дискурс суда. В современном государстве этот дискурс институционализирован, а поддерживающая его судебная власть выделена в качестве одной из автономных ветвей власти; другая – законодательная – ветвь власти также участвует в обеспечении работы судопроизводства, что подчеркивает значимость этого дискурса для современного общества. Нередко считается, что дискурс суда является метадискурсом и способен заменить собой иные дискурсы конфликта; более того, отлаженная система судопроизводства в теории должна сделать их несостоятельными. Тем не менее на практике такие дискурсы продолжают возникать, и «культура отмены» является одним из них. Сравнительный анализ двух дискурсов позволяет понять, почему так происходит.

Коммуникативные модели, лежащие в основе суда и «культуры отмены», схожи по конфигурациям, но есть принципиальные различия.

1. Дискурсы имеют различные источники нормы. Если для суда источник нормы закон – общепринятый и юридически оформленный правовой акт, то для «культуры отмены» таковым, по-видимому, является мораль – совокупность общественных представлений о благе. Разница оказывается существенной, если принять во внимание, что правовая норма формально определена и зафиксирована документально и на этом основании общеобязательна к исполнению, обеспечена принудительной силой. Моральная норма подобным требованиям не отвечает, вследствие чего возникает ряд проблем: многозначность трактовок, неопределенность области применения, запрет на внешнее вменение и т.д.

2. В судопроизводстве есть гарант исполнения правовой нормы – персонификация формального закона в фигуре судьи. Вопрос, кто является гарантом исполнения моральных норм, традиционно остается открытым, но при канселлинге эта функция отдана обществу, что подразумевает непосредственную саморегуляцию, аналогичную демократии прямого типа. Однако рамки демократии в дискурсе «культуры отмены» значительно сужает третье различие.

3. Дискурс «культуры отмены», в отличие от дискурса суда, отказывает в состязательности – равном доступе к дискурсивному пространству всех участников процесса. Их присутствие рассматривается как привилегия, доступ к которой должен быть пересмотрен.

Намеченное сравнение может быть продолжено применительно к инструментам реализации дискурсов. В обоих случаях таким инструментом является риторика в аристотелевском смысле: как способ построения аргументации с целью убеждения в чем-либо относительно конкретных предметных областей (Аристотель 1978: 20). В отличие от Платона, относящегося к риторике критически и противопоставляющего ее цели как истине, так и благу, Аристотель, с определенными оговорками, считает риторику методом достижения и того и другого (Kennedy 1991: 87-98). Аристотель определяет риторику через понятие «технэ», которое означает не только искусство и ремесло, но и осмысленную преобразовательную деятельность, направленную на созидание практического знания. Этот метод отличается от открытия статичных эпистемологических истин, но находится в согласии с ними, поскольку также подчинен рефлексии (Лосев 1978: 8; Санжеников 2020). Таким образом, риторика, построенная в соответствии с аристотелевскими принципами, не противоположна ни эпистемологии, ни этике; напротив, она способна выполнять связующую функцию, осуществляя проверку и обосновывая притязания на истинность частного практического знания.

В нашем случае предметной областью риторики оказывается справедливость. Участники двух дискурсов обосновывают свои притязания, указывая на недостаток справедливости и требуя ее восстановления путем привлечения к ответственности другой стороны конфликта. И в том и в другом случае с помощью аргументов репрезентируется и защищается частная точка зрения – определенный этос. Апелляция к норме свидетельствует о попытках получить универсальное обоснование этоса, то есть доказать причастность своей трактовки к истине и благу.

Однако три вышеуказанных различия между дискурсами позволяют сделать вывод о том, что на уровне формального построения дискурс «культуры отмены» противоречит пониманию риторики как рефлексивного процесса обоснования. Неопределенность источника нормативности и ее гаранта в совокупности с отказом от состязательности приводят к тому, что индуктивные претензии на истину, составляющие суть рефлексивной риторики, заменяются дедуктивным постулатом о принадлежности истины определенной группе людей. Риторика в дискурсе «культуры отмены» перестает быть методом, позволяющим привести к истине и благу через доказательство; напротив, она узурпирует истину, выступая транслятором своей трактовки как универсальной. Отметим, что с близких позиций А. Сен критикует универсалистские построения концепции справедливости Дж. Ролза¹. Частное знание не может быть основанием для общего знания, нарушение логики ведет к разного рода парадоксам, которые будут

---

¹ Более подробно см.: (Балашов 2021: 22-24).

рассмотрены нами на примере требования исторической ответственности. Эти замечания определяют основное направление критики – структурную организацию дискурса «культуры отмены». Указать ее конкретные недостатки поможет дискурс-анализ.

Проблемы структурной организации дискурса «культуры отмены» в свете дискурс-анализа

Риторика остается узкоспециализированной служебной дисциплиной, назначение которой сводится к анализу построения речи и соответствующих ему правил – методологии рефлексивного самообоснования. Дискурс-анализ расширяет предметное поле языка, играющего роль универсального медиатора, области, в которой могут найти решение онтологические, гносеологические и этические проблемы. В оптике дискурс-анализа язык является не промежуточным звеном, способным с помощью рефлексии привести к истине или благу, а пространством их непосредственной реализации. Таким образом, дискурс-анализ должен помочь не только уточнить обнаруженную силами риторики проблему структурной организации дискурса «культуры отмены», но и приблизиться к ее решению, оставаясь в рамках формальной критики языка.

Ранее мы определили дискурс в узком смысле – как коммуникативную модель, с помощью которой устанавливаются и трансформируются отношения между участниками. В широком смысле дискурс представляет собой целостную коммуникативную метасистему, которая включает в себя все возможные коммуникативные модели. В оценке этического потенциала дискурса как метасистемы мнения специалистов расходятся. С определенными оговорками постструктуралисты наделяют дискурс негативным статусом, представители аналитической философии и структурализма – нейтральным, а представители этики дискурса и философии диалога – позитивным. Это замечание оказывается важным, поскольку ставит вопрос о том, являются ли проблемы «культуры отмены» частными или общими, обусловлены ли они структурой отдельной коммуникативной модели или же структурой коммуникативной системы в целом.

Принимая существование альтернативных точек зрения, в настоящей статье мы будем опираться на концепции П. Рикера, К.-О. Апеля и Ю. Хабермаса. Этих философов объединяют рассуждения о дискурсе как о нейтральной коммуникативной метасистеме, в рамках которой возможно существование различных коммуникативных моделей (Рикер 2008: 60-77; Apel 2001: 41). При таком подходе основной задачей оказывается выявление и устранение этически скомпрометированных моделей и поиск альтернатив. Последнее оказывается возможным вследствие того, что способность к речевой деятельности сама по себе обладает минимальным моральным фундаментом (Хабермас 2001: 120). Благодаря такой связке базовых характеристик системы (дискурса) и способностей каждого абстрактного пользователя этой системы (речевой деятельности) постулируется существование некоего гаранта возможности успешной и взаимно непротиворечивой

самореализации как отдельного человека, так и общества в целом. Однако из постулата о потенциальной возможности не следует обязательство ее реализации. Важно, как именно будет воплощен абстрактный дискурс: каковы условия формирования и функционирования конкретных дискурсов, правила их организации и т.д. Совокупность этих вопросов составляет предметное поле этики, которая и выступает вышеупомянутым гарантом.

Максимально широкие рамки при таком подходе позволяют рассматривать этику в трех аспектах – онтологическом, методологическом и практическом. На данном этапе нас интересует методологический аспект, а именно возможности этической экспертизы – оценки соответствия дискурса «культуры отмены» принципам формальной организации свободного дискурсивного пространства.

К.-О. Апель называет основным *принцип дискурса*: при организации свободного дискурсивного пространства к организатору предъявляется требование делегировать всем участникам право организации, то есть право на выработку норм аргументации, при условии, что эти нормы будут иметь значение только в случае согласия с ними всех участников. Затем следует *принцип достижения консенсуса*: согласие, возможность которого вводится принципом дискурса, должно являться для участников главной интенцией присоединения к дискурсу. На практике и в вопросах конкретного содержания дискурса консенсус может не состояться, но все участники должны считать его возможным. Третий принцип – *принцип универсализации* – призван служить страховкой от принятия нелегитимных консенсусов, иначе говоря, сговоров в защиту интересов отдельных групп: в зависимости от обстоятельств не все заинтересованные стороны могут принять участие в дискурсе, тем не менее при организации свободного дискурса должны быть защищены их интересы и представлены их мнения; только в таком случае консенсус будет признан легитимным (Назарчук 2002: 143-144).

В согласованном с этими принципами дискурсивном пространстве силами участников дискурса должны быть обеспечены свобода от принуждения, равноправие и открытость. Под свободой от принуждения понимается отказ от всех видов давления на стороны дискуссии, в частности от эксплицитных и имплицитных манипуляций, и решение вопросов силами аргументации. Вес аргументов определяется исходя из их самоценности, что исключает возможность дискриминации и уравнивает в правах всех участников дискурса. Это поддерживается идеей открытости дискурсивного пространства для всех потенциально заинтересованных участников: даже если они не обладают квалификацией касательно предмета дискуссии, то все равно получают возможность участия и репрезентации своих интересов, целей и ценностей, то есть своего этоса.

Этика дискурса возникла в рамках прагматического подхода, потому ее структура отражает взгляды представителей прагматизма на эпистемологию и мораль, которые заключаются в том, что истина и благо оказываются потенциально универсальными и достижимыми в будущем, но неполными в настоящем. Именно потому возможна единая для всех интенция к формальному консенсусу – истине и благу – при наличии множества частных

содержательных интенций (разнообразных этосов). Свободное дискурсивное пространство тогда представляет собой арену легитимной взаимоуважительной борьбы разнообразных этосов – так называемых малых этик, созидающих универсальную и всеобъемлющую этику, где каждый из участников дискурса защищает собственные притязания на причастность к абсолюту, при этом сознательно допуская возможность своей ошибки и правоты сторонников альтернативных взглядов.

К самой аргументации также применяется ряд требований: 1) понятный способ выражения, при котором говорящий должен заботиться о ясности высказывания; 2) истинность пропозиционального значения содержания высказывания, при котором высказывание должно быть сделано относительно фактов, в действительности имеющих место; 3) истинность намерений говорящего, при котором высказывание должно соответствовать принципиально осуществимым намерениям говорящего; 4) корректность высказывания относительно установленных в дискурсе норм (Habermas 2001: 63–64). По мнению Ю. Хабермаса, эти требования не являются внешними или искусственными по отношению к дискурсу, а представляют собой всеобщие предпосылки коммуникации как таковой, то есть составляют тот самый моральный фундамент всякого акта высказывания.

Таким образом, в соответствии с указанными принципами мы можем выделить две группы потенциальных нарушений или дискурсивных ошибок: ошибки организации новых дискурсов и нарушения правил уже существующих. Между ними нет строгой линии разграничения, поскольку принципы построения свободного дискурсивного пространства и принципы свободного высказывания составляют систему взаимной поддержки; такое разделение служит скорее инструментальной цели. Дискурс конфликта, организованный по модели «культуры отмены», нарушает принципы этики дискурса и выступает в качестве одной из двух представленных групп дискурсивных ошибок: в зависимости от того, рассматриваем ли мы дискурс «культуры отмены» автономно, как в случаях персонализированного канселлинга (ошибка организации дискурсивного пространства), или в составе другого, более широкого дискурса (нарушение правил дискурсивного пространства).

Теперь, когда этика дискурса подробно рассмотрена в методологическом аспекте, мы можем приступить к предметному анализу. Оценим структуру дискурса «культуры отмены» с точки зрения правил организации и моральную риторику с позиции правил аргументации. Наиболее любопытным примером в этой области служит протестный активизм, использующий в борьбе с институциональным притеснением вышеуказанные особенности дискурсивных структур: декларативно опираясь на выводы критической теории о перераспределении и социальной справедливости, представители протестных движений зачастую реорганизуют дискурсивное, а следом и социальное пространство не ко всеобщему благу, а к частной выгоде (Сальников, Сальникова 2021: 113–114).

В качестве примера рассмотрим кампанию *Rhodes Must Fall*, интересную тем, что практики канселлинга были обращены к проблемным событиям прошлого, нашедшим воплощение в фигуре С. Родса, и сопрово-

ждались требованием удалить следы его пребывания в мемориальном дискурсивном пространстве. При этом использовалась апелляция к исторической ответственности.

Трудности и парадоксы исторической ответственности в рамках кампании *Rhodes Must Fall*

Сесил Родс – английский предприниматель и политик второй половины XIX в. Он был видной фигурой британского империализма и колониализма, оказал существенное влияние на развитие Южной Африки, отметился амбициозными планами по преобразованию ее инфраструктуры. Его роль в регионе отражает, например, тот факт, что современные Замбия и Зимбабве долгое время носили названия Северной и Южной Родезии. Неудивительно, что связанное с ним обширное мемориальное наследие сохраняется по сей день.

Большую часть своего состояния С. Родс, умерший в 1902 г., завещал на развитие образования и учреждение различных стипендиальных программ в Южной Африке и Британии, благодаря чему его имя тесно связано с университетской средой. В Кейптаунском университете был установлен памятник С. Родсу; его именем назван старейший университет в Восточной Капской провинции и здание оксфордского Ориел-колледжа; в Оксфорде по сей день действует учрежденная им стипендиальная программа для иностранных студентов.

Единичные выступления против мемориального наследия С. Родса начались в 50-е гг. XX в. Они были частью более широкого движения борьбы против апартеида. И хотя апартеид как официальная политика расовой сегрегации в ЮАР берет отсчет с 1948 г., то есть начинается почти полвека спустя после смерти С. Родса, его правление в регионе считают предтечей апартеида. Полномасштабная кампания против него развернулась в 2015 г. на волне успехов другого антирасистского движения *Black Lives Matter*. Студенты Кейптаунского университета потребовали удалить памятник С. Родсу с территории университетского кампуса, так как видели в нем символ расового превосходства. Благодаря распространению в социальных сетях хештега *#RhodesMustFall* о кампании стало известно за пределами ЮАР, к ней присоединились британские активисты и студенты Ориел-колледжа, также указавшие на неприемлемость его присутствия в мемориальном пространстве.

В критике мемориального наследия С. Родса можно выделить два сопричастующих и взаимоподдерживающих направления – историческое и социальное. В первом случае он символизирует британский колониализм – определенный исторический период со свойственной ему экономической и социальной политикой, к которой англичанин был причастен. При социальной критике С. Родс выступает символом современного расизма, его присутствие в мемориальном пространстве является отражением фактической позиции университетских властей, которые отказались от политики сегрегации лишь доктринально. Можно заметить существенную разницу между двумя подходами. При историческом подходе имя Родса выступает знаком

первого порядка: означающее (Родс) и означаемое (колониальная политика) связаны между собой непосредственно: он был представителем власти в британской колониальной системе, не только поддерживал ее, но и способствовал ее распространению. При социальном подходе его имя выступает знаком второго порядка: между означающим (Родс) и означаемым (современный расизм) нет прямой связи, в этой знаковой пирамиде потерян еще один элемент – анонимные представители университетских властей, которые выступают означающим для современного расизма и означаемым для имени Родса.

Таким образом, представляется логичным в исследовательских целях разделить пространство, в котором осуществляется дискурс «культуры отмены», на историческое и социальное и, исходя из этого разделения, проанализировать два дискурса «культуры отмены» с опорой на принципы этики дискурса, а также выявить парадоксы концепта ответственности в составе моральной риторики «культуры отмены». Эту ответственность принято называть исторической, поскольку она возникает в связи с присутствием в дискурсивном пространстве исторической личности, но, возможно, не всегда исторической является. В случаях, когда исторический пример служит аллегорией современной ситуации, требование ответственности также обращено к настоящему времени: под маской исторической ответственности оказывается ответственность социальная, политическая и т.д.

Обратимся к дискурсивному пространству, которое мы условились называть историческим. В основе конфликта лежит проблема исторического колониализма – политики расовой сегрегации и угнетения, а сторонами конфликта оказываются инициативная группа как представители современности и С. Родс как представитель прошлого. Согласно логике «культуры отмены», обвиненная в неприемлемом поведении сторона должна принять на себя ответственность и вербально продемонстрировать отказ от неприемлемого поведения (прекратить деятельность, принести извинения, компенсировать ущерб), в противном случае она будет исключена из дискурсивного пространства. Однако в случае мемориальных конфликтов ситуация осложняется неравным онтологическим статусом их участников, а значит, альтернативы исключению попросту отсутствуют: С. Родс не имеет возможности выступить в роли ответчика по предъявленным обвинениям и отказаться от неприемлемого поведения, поэтому его мемориальное наследие должно быть изъято.

В данном случае модель, свойственная дискурсу «культуры отмены», нарушает принципы организации свободного дискурсивного пространства. Во-первых, дискурс иницируется и ведется согласно правилам, определенным лишь одной стороной конфликта, что сужает возможности диалога и расширяет возможности манипуляции (нарушение принципа дискурса). Во-вторых, ключевая задача дискурса, сформулированная здесь как ликвидация мемориального наследия, подразумевает лишь один сценарий урегулирования конфликта – полное удовлетворение требований инициативной группы (нарушение принципа консенсуса). В-третьих, все заинтересованные в предмете обсуждения стороны должны быть представлены

в дискурсивном пространстве вне зависимости от своего онтологического статуса (если не лично, то посредством возможных аргументов в защиту их позиции). В случае С. Родса аргументы стороны защиты не предполагаются, а если и возникают, то расцениваются как автоматическое признание совиновности (нарушение принципа универсализации).

Таким образом, случай канселлинга С. Родса в историческом дискурсивном пространстве является дискурсивной ошибкой, поскольку не отвечает требованиям, предъявляемым к свободным дискурсам. Допущенные при организации дискурса ошибки становятся препятствием на пути реализации заявленной цели – восстановления справедливости через вменение ответственности, а предполагаемые последствия ошибок приведут к результатам, противоречащим изначальным целям.

В юридической практике, а следом за ней и в философской мысли принято говорить о двух сторонах ответственности – ретроспективной и перспективной. Если первый вид ответственности сопрягается с понятием вины, то второй – с понятием справедливости (Рикер 2005: 41-43). В акте канселлинга сочетаются оба вида ответственности, что позволяет нам включить в обсуждение третью сторону конфликта – университетские власти. Субъектом вменения ретроспективной ответственности по-прежнему является С. Родс, однако ввиду его фактического отсутствия инициативной группой осуществляется перенос ответственности на университетские власти. В результате этого переноса меняется и вид ответственности – с ретроспективной «ответственности за» на перспективную «ответственность перед». Как следствие, риторика вины и возмещения ущерба, характерная для ретроспективной ответственности, должна уступать место свободной дискуссии о справедливости. Однако реализация требования исключить С. Родса исключит из дискурсивного пространства и саму проблему. Согласие университетских властей на такой шаг парадоксальным образом будет являться отказом от трудного наследия, то есть освобождением от исторической ответственности – того самого диалектического напряжения, которое поддерживает дискурс о справедливости открытым рефлексивным пространством, в рамках которого возможно ответственное суждение «никогда больше» (Gondringer 2021; Veil, Waymer 2021).

Представляется, что парадоксальность, при которой реализация требования ответственности становится отказом от нее, оказывается возможной вследствие смешения двух дискурсов, названных выше историческим и социальным, и двух соотносящихся с ними типов ответственности.

Для социального дискурсивного пространства ситуация вокруг мемориального наследия С. Родса является частным случаем антирасистской кампании. Акт канселлинга в данном случае может рассматриваться как один из аргументов в составе риторики более широкого дискурса – антирасистского. Этот аргумент можно сформулировать следующим образом: тот, кто оказывает поддержку мемориальному наследию С. Родса, солидаризируется с его взглядами на колониальную политику, а значит, поддерживает расизм в современном обществе; выступающие против расизма должны доказать это, исключив английского политика из дискурсивного

пространства. Если акт канселлинга можно считать аргументированным высказыванием, то он может быть соотнесен с правилами, действующими в свободном дискурсивном пространстве (при условии, что мы признаем антирасистский дискурс свободным и соответствующим принципам дискурсивной этики).

Напомним, что всего таких правил четыре: ясность высказывания; истинность пропозиционального содержания высказывания; истинность и выполнимость намерений говорящего; корректность высказывания. Что касается правила ясности, то сформулированное выше высказывание нельзя назвать прозрачным, поскольку оно представляет собой аллегорию и поэтому нуждается в реконструкции. Истинность пропозиционального содержания высказывания остается дискуссионным вопросом, поскольку вторая часть импликации (утверждение о солидарности с политическими взглядами С. Родса) может быть и истинной, и ложной: причин поддержки мемориального наследия довольно много, в том числе реализация исторической ответственности. Вследствие этого правило выполнимости намерений говорящего, если считать таковыми выявление в обществе людей с расистскими взглядами, также оказывается нарушенным. А ультимативная форма высказывания противоречит принципу корректности.

Таким образом, акт канселлинга, осуществляемый в социальном дискурсивном пространстве, не является свободным и ответственным высказыванием. Напротив, он призван оказать давление на другую сторону конфликта, склонить ее к определенным действиям и в итоге универсализировать собственные представления об истине и благе. Опосредованное осуществление высказывания (силами и средствами, заимствованными у исторического дискурсивного пространства) указывает на слабость аргументов, которые могли бы быть представлены в рамках антирасистского дискурса, принадлежащего социальному дискурсивному пространству, и раскрывает канселлинг как манипулятивную практику.

Заключение

Мы рассмотрели «культуру отмены» с точки зрения критического анализа, позволившего раскрыть ее слабые стороны: указали проблемы структурной организации и моральной риторики «культуры отмены» и разобрали следствия этих проблем на примере кампании против мемориального наследия С. Родса. Общий вывод состоит в том, что «культура отмены» как дискурс конфликта, организованный с целью восстановления справедливости, не может достичь заявленной цели. Принцип отмены – исключения из дискурсивного пространства проблемных фигур, событий или эпох – при условии фактической реализации служит не разрешению или урегулированию, а скорее консервации конфликта. Кроме того, попытки обоснования притязаний за счет обращения к дискурсу «культуры отмены» ведут к экстраполяции ценностей и норм локального этоса на систему универсальной морали, то есть узурпации общественных представлений о справедливости, ответственности, истине и благе.

Можно задаться вопросом, почему практики канселлинга сегодня столь популярны и свидетельством чего эта популярность является. В самом начале статьи мы указали среди достоинств «культуры отмены» ее функциональность – простоту и удобство организации дискурса в различных дискурсивных пространствах. Другой важной характеристикой «культуры отмены» является ее внеинституциональность. В рамках компаративистского анализа дискурсов суда и «культуры отмены» внеинституциональность последней могла бы стать общим обозначением всех перечисленных недостатков, однако с точки зрения доступа к содержательному разнообразию является скорее достоинством: предметное поле дискурса «культуры отмены» подтверждает его формальную универсальность.

Представляется, что дискурс «культуры отмены» удовлетворяет потребности общества в удобных и функциональных дискурсивных моделях, а потому будет использоваться и в дальнейшем, даже при сохранении выявленных нами в ходе критического анализа недостатков. Это, в свою очередь, означает, что общество нуждается в альтернативных дискурсивных моделях. Этика дискурса, рассмотренная нами как средство оценки уже существующих дискурсов, обладает не только критическим, но и позитивным потенциалом. Принципы организации свободного дискурсивного пространства в связке с правилами аргументированного высказывания могут служить как критерием оценки, так и фундаментом для построения новых дискурсов.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Аристотель. 1978. Риторика // Античные риторика / под ред. А.А. Тахо-Годи. Москва : Издательство Московского университета. С. 15-164.

Балашов Д.В. 2021. Дистрибутивные теории справедливости: от утилитаризма и обратно // Антиномии. Т. 21, № 3. С. 7-29. DOI 10.17506/26867206_2021_21_3_7

Лосев А.Ф. 1978. Античные теории языка и стиля в их историко-литературной значимости // Античные риторика / под ред. А.А. Тахо-Годи. Москва : Издательство Московского университета. С. 5-12.

Назарчук А.В. 2002. Этика глобализирующегося общества. Москва : Директмедиа Паблишинг. 384 с.

Рикер П. 2005. Справедливое. Москва : Гнозис : Логос. 279 с.

Рикер П. 2008. Я-сам как другой. Москва : Издательство гуманитарной литературы. 416 с.

Русакова О.Ф. 2007. Основные теоретико-методологические подходы к интерпретации дискурса // Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук. № 7. С. 5-34.

Сальников Е.В., Сальникова И.Н. 2021. Противодействие расизму в спорте или его новый виток: противоречивые практики движения Black Lives Matter // Дискурс-Пи. Т. 18, № 2. С. 111-124. DOI 10.17506/18179568_2021_18_2_111

Санженанов А.А. 2020. Истоки аналитического подхода к проблемам техники: Аристотель об эпистеме и технэ // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. № 53. С. 128-132. DOI 10.17223/1998863X/53/13

Хабермас Ю. 2001. Моральное сознание и коммуникативное действие. Санкт-Петербург : Наука. 382 с.

Apel K.-O. 2001. *The Response of Discourse Ethics to the Moral Challenge of the Human Situation as Such, Especially Today*. Leuven : Peeters Publishers. 118 p.

Bouvier G., Machín D. 2021. What Gets Lost in Twitter 'Cancel Culture' Hashtags? Calling Out Racists Reveals Some Limitations of Social Justice Campaigns // *Discourse & Society*. Vol. 32, iss. 3. P. 307-327. DOI 10.1177/0957926520977215

Gondringer M. 2021. *Cancel Culture and Cancel Discourse: Cultural Attacks on Academic Ideals*. Saint Cloud : St. Cloud University Press. 85 p.

Habermas J. 2001. *On the Pragmatics of Social Interaction: Preliminary Studies in the Theory of Communicative Action*. Cambridge : The MIT Press. 192 p.

Kennedy G. 1991. *Aristotle on Rhetoric: A Theory of Civic Discourse*. New York : Oxford University Press. 352 p.

Phelan S. 2023. Seven Theses About the So-Called Culture War(s) (or Some Fragmentary Notes on 'Cancel Culture') // *Cultural Studies*. P. 1-26. DOI 10.1080/09502386.2023.2199309

Veil Sh.R., Waymer D. 2021. Crisis Narrative and the Paradox of Erasure: Making Room for Dialectic Tension in a Cancel Culture // *Public Relations Review*. Vol. 47, iss. 3. DOI 10.1016/j.pubrev.2021.102046

References

Apel K.-O. *The Response of Discourse Ethics to the Moral Challenge of the Human Situation as Such, Especially Today*, Leuven, Peeters Publishers, 2001, 118 p.

Aristotle. *Rhetoric*, *Takho-Godi A.A. (ed.) Antique Rhetorics*, Moscow, Izdatelstvo Moskovskogo universiteta, 1978, pp. 15-164. (In Russ.).

Balashov D.V. Distributive Theories of Justice: From Utilitarianism and Back, *Antinomii* [Antinomies], 2021, vol. 21, no. 3, pp. 7-29. (In Russ.). DOI 10.17506/26867206_2021_21_3_7

Bouvier G., Machín D. What Gets Lost in Twitter 'Cancel Culture' Hashtags? Calling Out Racists Reveals Some Limitations of Social Justice Campaigns, *Discourse & Society*, 2021, vol. 32, no. 3, pp. 307-327. DOI 10.1177/0957926520977215

Gondringer M. *Cancel Culture and Cancel Discourse: Cultural Attacks on Academic Ideals*, Saint Cloud, St. Cloud University Press, 2021, 85 p.

Habermas J. *Moral Consciousness and Communicative Action*, Saint Petersburg, Nauka, 2001, 382 p. (In Russ.).

Habermas J. *On the Pragmatics of Social Interaction: Preliminary Studies in the Theory of Communicative Action*, Cambridge, The MIT Press, 2001, 192 p.

Kennedy G. *Aristotle on Rhetoric: A Theory of Civic Discourse*, New York, Oxford University Press, 1991, 352 p.

Losev A.F. Antique Theories of Language and Style in Their Historical and Literary Significance, *Takho-Godi A.A. (ed.) Antique Rhetorics*, Moscow, Izdatelstvo Moskovskogo universiteta, 1978, pp. 5-12. (In Russ.).

Nazarchuk A.V. *Ethics of a Globalizing Society*, Moscow, Direktmedia Publishing, 2002, 384 p. (In Russ.).

Phelan S. Seven Theses About the So-Called Culture War(s) (or Some Fragmentary Notes on 'Cancel Culture'), *Cultural Studies*, 2023, pp. 1-26. DOI 10.1080/09502386.2023.2199309

Ricoeur P. *Oneself as Another*, Moscow, Izdatelstvo gumanitarnoj literatury, 2008, 416 p. (In Russ.).

Ricoeur P. *The Just*, Moscow, Gnozis & Logos, 2005, 279 p. (In Russ.).

Rusakova O.F. Basic Theoretical and Methodological Approaches to the Interpretation of Discourse, *Nauchnyj ezhegodnik Instituta filosofii i prava Ural'skogo otdelenija Rossijskoj akademii nauk* [Research Yearbook of the Institute of Philosophy and Law of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences], 2007, no. 7, pp. 5-34. (In Russ.).

Salnikov E.V., Salnikova I.N. Countering Racism in Sport or Its New Round: Controversial Practices of the Black Lives Matter Movement, *Diskurs-Pi* [Discourse-P], 2021, vol. 18, no. 2, pp. 111-124 (In Russ.).

Sanzhenakov A.A. The Origins of an Analytical Approach to the Problems of Technology: Aristotle on Episteme and Techne, *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofija. Sociologija. Politologija* [Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science], 2020, no. 53, pp. 128-132. (In Russ.). DOI 10.17223/1998863X/53/13

Veil Sh.R., Waymer D. Crisis Narrative and the Paradox of Erasure: Making Room for Dialectic Tension in a Cancel Culture, *Public Relations Review*, 2021, vol. 47, no. 3. DOI 10.1016/j.pubrev.2021.102046

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Ольга Владимировна Котунова

кандидат философских наук, младший научный сотрудник кафедры этики философского факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, г. Москва, Россия; младший научный сотрудник философского факультета Томского государственного университета, г. Томск, Россия;

ORCID: 0009-0006-4026-4168;

E-mail: kotunovaov@gmail.com

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Olga V. Kotunova

Candidate of Philosophy, Junior Researcher, Department of Ethics, Faculty of Philosophy, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia; Junior Researcher, Faculty of Philosophy, Tomsk State University, Tomsk, Russia; ORCID: 0009-0006-4026-4168; E-mail: kotunovaov@gmail.com